

Имперское и локальное прочтение городского текста: Гюмри до и после землетрясения 1988 г.*

Гаяне Шагоян

Введение

Второй по размеру город советской Армении Ленинакан (ныне Гюмри) никогда не был столицей, однако тема «столичности» и претензии на роль некоего центра достаточно часто появлялись и появляются в городском общественном дискурсе¹. Положение второго как правило порождает претензии на место первого, и в этом смысле Гюмри не исключение. Сегодня тенденции застройки этого города во многом повторяют «ереванские принципы»² перестройки постсоветской столицы, тогда как «советский второй» должен был подчеркнута уступать первому городу³. Урбанистическая концепция советского Ленинакана ориентировалась скорее на Ленинград (эталонный для советских «вторых»), чем на Ереван («свой первый» как потенциальный конкурент).

* Данная статья в несколько иной версии является частью более расширенной статьи («The Second City as the First City: the Development of Gyumri from an Anthropological Perspective»), опубликованной в Германии, в сборнике статей: *Urban Spaces After Socialism: Ethnographies of Public Places in Eurasian Cities*, eds. Tsypylma Darieva, Wolfgang Kaschuba, Melanie Krebs, Campus Verlag, pp. 57-79.

¹ См. *Гаяне Шагоян. Очерки антропологии города, пережившего землетрясение // Laboratorium. 2010, №1, С. 160-181.*

² Это попытки привлечения частного сектора к застройке города, что повлекло за собой коммерциализацию городского пространства (строительство в основном магазинов и кафе, ресторанов) с использованием новых строительных тенденций в архитектуре (например, предпочтение в качестве строительного материала металла и стекла). Причем в Гюмри большая часть сегодняшних застроек делается ереванскими строительными компаниями (например, новый жилой квартал Муш-2 был построен ереванским «Glendale Hills»).

³ См. *Паперный В. Культура Два. М., 2006. С. 109.*

Советская иерархия поселений предполагала определенные ограничения и привилегии в зависимости от занятой поселением ступени на административной лестнице, грешившей выраженной центростремительностью (ср.: столица, город, поселок городского типа, село и т.д.). Переход из одной категории в другую наряду с несколькими показателями в первую очередь определялся численностью населения. Например, в городе население должно было быть не менее 12 тысяч, а в поселке городского типа – не менее 3 тыс. человек⁴. Метро разрешалось строить в городе с населением не менее одного миллиона, что, кстати, стало одной из причин искусственного быстрого расширения советского Еревана. Подобные количественные показатели давали возможность выстраивать поселения в каждой из приведенных категорий в свой иерархический ряд, где особенно значимыми становились позиции первых-вторых, поскольку у них появлялся шанс подняться рангом выше. А главные первые-вторые, Москва и Ленинград, оказавшиеся на самом верху этой пирамиды, могли соревноваться между собой, одновременно создавая модель взаимоотношений для многих столиц и следующих за ними «вторых» городов в национальных республиках.

«Вторые города» не раз становились предметом отдельных исследований, в каждом из которых выделялись те или иные свойства таких поселений⁵. Капитальной и достаточно популярной работой о «вторых городах» является сравнительный анализ Москвы, Чикаго и Осаки, сделанный Блэром Рублом⁶. Москва, которая советским человеком вряд ли могла восприниматься как второй город, здесь представлена в том историческом срезе, когда занимала именно эту ступень в иерархии российских городов. Однако в понимании Б. Рубла в начале 19-го века вторые города объединяло не то, что они своими масштабами уступали лишь первым, столицам, а скорее

⁴ Типы населенных пунктов // Селения. Энциклопедия населенных пунктов (www.seleniya.ru/stati/material/9/typy-naselennyh-punktov.html) (26.09.10).

⁵ Ср. *Панерный В.* Указ. раб. С. 108-109; *Шагоян Г.* Указ. работы; *Владимир Топоров.* Заметки по реконструкции текстов. IV. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // *Исследования по структуре текста.* М., 1987. С. 99-132; Blair A. Ruble, *Leningrad. Shaping a Soviet City* (Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1990); Alan Lessoff, "Corpus Christi, 1965-2005: A Secondary City's Search for a New Direction", *Journal of Urban History* 35:108 (2008), pp. 108-132 <<http://juh.sagepub.com/content/35/1/108>> (07.07.2010).

⁶ Blair A. Ruble, *Second Metropolis: the Politics of Pragmatic Pluralism in Gilded Fe Chicago, Silver Age Moscow, and Meiji Osaka* (NY: Cambridge University Press, 2001).

особенности управления и развития, охарактеризованные им как «прагматический плюрализм»⁷. Под этим подразумевается некая «демократичность» управления, предопределенная экономическими интересами зарождающихся капиталистических элит и прагматической толерантностью различных социальных групп в силу относительного дефицита авторитарной центральной власти⁸. В этом смысле «вторыми» можно считать многие мегаполисы начала XIX в., которым удалось избежать участи быть столицей, но которые сопоставимы с «первыми» своими территориальными и экономическими масштабами.

«Вторичность» Гюмри-Ленинакана несколько иного порядка. Хотя формирование Гюмри как города также приходится на XIX в., однако его появление и бурное развитие связано не с расцветом «капиталистической экономики», как в описанных Б. Рублом случаях, а с военным продвижением России на юг, что повлекло за собой строительство оборонительной крепости и гарнизонного городка, призванного обслуживать армию. На месте сельского поселения с 70 жилыми домами возник город⁹, который в течение одного века быстро заселился эмигрантами из городов Западной Армении (Карса, Эрзрума, Баязета). Переселенцы имели относительно однородный социальный состав, это были в основном ремесленники и торговцы. К концу века в городе насчитывалось уже 3825 домов, а население достигло 25 000 человек¹⁰. Как в описанных Б. Рублом городах, здесь также сформировался «прагматический плюрализм», но несколько иной. Поскольку город заполнился эмигрантами одного социального класса, то соответственно престижные районы или кварталы трущоб в городе не сегрегировались. Разбогатевшие ремесленники и торговцы на глазах превращались в успешных коммерсантов. Они жили по соседству с бедными и малоимущими горожанами, с которыми сложились соседские и цеховые отношения (часто ремесленники одной профессии селились рядом). Управление и развитие города во многом определялись договорами между ремесленными братствами и чиновниками, некоторые функции полицейского надзора также были переданы ремесленным цехам. В этом смысле город напоминал «вторые города» в понимании Б. Рубла, где

⁷ Ruble 2001, p. 18.

⁸ Ruble 2001, p. 18.

⁹ Гюмри официально объявлен городом в 1840 г.

¹⁰ Матевосян С. Г. Ленинаканские жилые дома городского типа в XIX веке // Историко-филологический журнал. 1972, 3 (58). С. 169 (на арм. яз.).

«относительное отсутствие прямого государственного вмешательства оставляло место для индивидуальных компромиссов и стратегий лидерства, столь необходимых для появления прагматического плюрализма»¹¹.

Однако в данной статье на примере Гюмри рассматривается не «прагматический плюрализм», а другие характеристики «вторых» городов, сопоставимые с семантическим толкованием «вторых» людей, исследованных московским филологом Арменом Григоряном¹². В его работе эти признаки часто распространяются на разные объекты, в том числе города. Анализируя большой объем художественной и публицистической литературы, А. Григорян выделяет дихотомию признаков, приписываемых соответственно «первым» и «вторым»: естественный/искусственный, природный/социальный, простой/сложный, устный/письменный, центр/периферия (граница), физическая власть (царь, президент) – духовная власть (религиозный вождь, идеологический лидер), мужской/женский, победитель/неудачник, унаследованная (законная) власть – революция (милитаристичность), искусство/ремесло, творчество/наука, жизнь/смерть, путь/дорога, народ/власть и т.п. Если обобщить эти пары, то общими признаками «первых» станут естественность, целостность, имманентное лидерство, а «вторых» – искусственность, трудолюбие, соревновательность, исходящая из навязчивого желания занять место первого. В зависимости от ракурса оценки той или иной ситуации эти признаки можно обнаружить в одном и том же поселении, приписать их различным социальным слоям, а в некоторых случаях даже распространить на определенные архитектурные ансамбли (например, площади) исходя из их урбанистических функций и отношения к ним городских жителей. Случай Гюмри интересен тем, что город активно позиционирует себя как «второе» поселение¹³, в разные этапы истории вкладывая различное содержание в это «второе». Хотя, как уже отмечалось, «вторая позиция» Гюмри четко была определена лишь в советское время (когда появился свой «первый» – Ереван), многие вышеприведенные признаки «вторых» можно обнаружить и в досоветской истории города. Впоследствии образ «второго», приписанный Ленинану, распространился как на мифологизированную историю города, так и на новый Гюмри, который создавался после разрушительного землетрясения 1988 г.

¹¹ Blair A. Ruble, 2001, p. 18.

¹² Григорян А. Первый, второй и третий человек. М., 2008.

¹³ См. Шагоян Г. Указ раб. С. 160-181.

Статья написана по результатам полевых исследований, регулярно проводимых в Гюмри с 2006 г. Представленные здесь данные обобщают материал около двадцати глубинных и проблемно-ориентированных интервью как с рядовыми жителями города (новых и старых кварталов), так и с представителями армянской диаспоры, имевших опыт работы в Гюмри после землетрясения (1988 г.). Также было проведено около пятнадцати экспертных интервью с архитекторами, художниками и представителями городской администрации Гюмри. Эти данные сопоставлены с некоторыми гюмрийскими публикациями, представляющими «локальный» взгляд на город, чаще позицию местных властей¹⁴. Тексты власти были дополнены рекламами предвыборных кампаний, теле-выступлениями, интервью и документальными фильмами, заказчиком которых выступал муниципалитет. Неофициальный «локальный» взгляд в определенной степени фиксировался также по местным теле- и киноматериалам.

Двойные названия второго города

Ленинакан, как и многие его жители, часто носил одновременно два имени: неофициальный («народный») и официальный варианты. Исторически первое наименование этого поселения, Кумайри, связывается либо с киммерийцами (VIII в. до нашей эры)¹⁵, либо с хурритским богом зерна¹⁶. В XIX в. город-крепость получил название Александрополь, а в 1850 г. это поселение стало центром Александропольского уезда Эриванской губернии, при этом жители города обычно сокращенно называли Алекполем его. Название «Гюмри»¹⁷, горожанами часто воспринимаемое как переозвученное, но более родное уху древнее «Кумайри» и бытовавшее среди эмигрантов из Баязета,

¹⁴ См. *Азатян В.* Ленинакан, Ер., 1989; Гюмри: город и жители, Гюмри, 2009.

¹⁵ Там же. С. 23-27.

¹⁶ *Армен Петросян.* Кумайри в контексте древних мифов Армянского нагорья // Ширакский центр арменоведческих исследований: Научные труды. Вып. VII. 2004. С. 5-9 (на арм. яз.).

¹⁷ Существует более достоверный вариант этимологического толкования этого названия, согласно которому оно происходит от тур. «гюмрюк, гюмри», что означает 'таможня, таможенная пошлина'. – *Поспелов Е.М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. М., 1998. С. 129.

Карса и Эрзрума, до переименования в 1991 г. практически не было официальным названием города. Сменявших друг друга официальных названий города Кумайри – Гюмри – Александрополь «Гюмри» отсутствует или бытует неофициально наряду с Кумайри, а затем с Александрополем, поскольку переименование Кумайри в Александрополь в 1837 г. не имело этого посредующего звена¹⁸. «Ленинакан» тоже имел «народное» прочтение, его обычно выговаривали «Леннакан». Редуцирование «и» позволяло видеть в названии города корень «len» – ширакский диалектный вариант армянского «lain» («широкий»), что ленинаканцами часто обыгрывалось в качестве шутки: «Название нашего города от слова “len”, поскольку у нас и сердца широкие, и рты». Заметим, что «широкотость», вернее «большеротость»¹⁹, является стереотипной чертой образа гюмрийца-ленинаканца, которому приписывают остроумие, несдержанность в выражениях и хвастовство. Видимо, «большой, широкий рот» воспринимается как «необходимый атрибут» при указанных качествах (многие гюмрийские анекдоты, обыгрывая эту метафору, отсылают к указанному признаку как физическому). «Широкое сердце» отсылает к другой стереотипной характеристике – щедрости и стремлению жить на широкую ногу. Заметим, что в дихотомиях, присущих «первым» и «вторым», выделенных А. Григоряном, юмор, смех²⁰, как и широта (противопоставленная узости)²¹ выделены как признаки «первых».

В 1990-х гг. на волне национального движения, повлекшего за собой замену советских названий армянскими досоветскими аналогами, решением городского совета Ленинакан был переименован в Кумайри. Но неблагозвучность этого названия (в частности, близость *ku* к *k'u* – «твою», *mair* к «мать», воспринимаемые как ругательство)²², якобы трудность падежного склонения формы «кумайриец» и, самое главное, желание восстановить «народную» версию названия привели к тому, что вопрос о названии был выведен на городской референдум и в сентябре 1991 г. решен в пользу «Гюмри». Таким образом, после землетрясения город пережил на уровне

¹⁸ Исторические реконструкции названия города см. *Карл Сехбосян*. Из истории поселения Кумайри // Кумайри. 1991, 4 июня (на арм. яз.); *Карл Сехбосян*. Исторический факт на референдум? // Азг. 1991, 19 окт. (на арм. яз.).

¹⁹ Ср. анекдот: «Для чего ленинаканцу уши? Ответ: для ограничения рта».

²⁰ См. Григорян А. Указ. раб. С. 52-53.

²¹ Там же. С. 357-358.

²² Levon Abrahamian, *Armenian Identity in a Changing World* (Costa Mesa, CA: Mazda, 2006).

названий циклический повтор своей истории: Кумайри – Гюмри, где столкнулись официальная и народная версии названия города, но зарождающаяся демократия (в виде референдума) решила спор в пользу последней²³, отказавшись от названия, где слышно слово «мать» (*майр*), в пользу фонетически «более грубого» (ср. «мужского») варианта. Заметим, что в этом соревновании названий опять же в чем-то «женский» вариант (по А. Григоряну характерный для «вторых») уступил условно «мужскому» (иначе – «первому»).

Строительство Гюмри в XIX в. начиналось с возведения оборонительных крепостей (1830-1837 гг.), во дворе одной из них была построена церковь, которую присутствующий при ее закладке российский император Николай I назвал в честь Св. Великомученицы царицы Александры Римской (погибла в 314 г.)²⁴. После этого город-крепость был назван Александрополем, но, как принято считать, на самом деле так названной в честь жены Николая I Александрии Федоровны²⁵, то есть «второго» после императора человека²⁶. Наряду с официальным названием города существовал и «народный» сокращенный вариант – Алекполь, в котором скорее слышится мужское имя Алек, довольно распространенное в Гюмри (ср. имена известных гюмрийских фольклорных персонажей «фаэтонщик Алек», «Цитро Алек»), чем женское Александрия. То есть если город с перспективы царской России виделся как «женский» («второй»), то с точки зрения его жителей, местных, он был «мужским». «Мужской» образ Гюмри однозначно проступает в анекдотах²⁷, рекламе²⁸, спортивных предпочтениях («мужских» видов спорта)²⁹, даже

²³ Историю переименования Кумайри в Гюмри Левон Абрамян рассматривает в рамках анализа дискурса об армянской идентичности, считая, что здесь столкнулись парадигмы «древности» и «традиционности» города (Levon Abrahamian, 2006, pp. 45-46).

²⁴ Гюмри: город и люди. С. 40-41.

²⁵ Азатян В. Указ раб. С. 27.

²⁶ Ср. Григорян А. Указ. раб. С. 66-73. Согласно Армену Григоряну, «первым» и «вторым» являются не только царь и царица, но в целом в таком же ключе рассматривается более общая дихотомия мужской/женской. – См. Григорян А. Указ. раб. С. 66.

²⁷ Ср.: Однажды Полоз Мукуча (гюмрийский знаменитый фольклорный персонаж) спрашивают, откуда он. В ответ тот отвечает: «Слушай, что за наивные вопросы ты задаешь, откуда еще бывают мужчины?!» (*Геворкян Г.* Веселые ленинканские беседы и истории. Ер., 1989. С. 169 /на арм. яз./).

²⁸ Ср. рекламу гюмрийского пива «Гюмри», которое «только для мужчин».

²⁹ Еще в советское время ленинканцы не раз становились чемпионами в различных международных соревнованиях по тяжелой атлетике, греко-римской борьбе, самбо, а семикратный чемпион мира ленинканец Юрий Варданян занял особое место в риторике

девушки-чемпионки проявляются в тех видах спорта, которые традиционно считаются мужскими³⁰. Это, в свою очередь, усиливает в общественном дискурсе тему «мужского» и «мужественного» города, который часто выступает не только как первый, но и как единственный³¹, что также является одним из «свойств» первого³². Итак, на уровне названий города – официально «женского» (в корне Александрополя женское имя Александрия) и неофициально «мужского» (в корне мужское имя Алек) – снова проступает схема официально «второй» (женский) и неофициально «первый» (мужской).

Когда в 1988 г. в Ереване был введен комендантский час, на митинге в Ленинакане объявили, что центр Карабахского движения перемещается из столицы в «отцовский» город. На армянском языке столица буквально означает «материнский город» (*mairaqaghaq* – «мать-город»), а Ленинакан горожане любят называть «отцовским городом» (*hairaqaghaq* – «отец-город»). К этому каламбуру часто прибегал недавно покинувший свой пост мэр Гюмри³³. Стоит вспомнить, что подобное распределение «семейных ролей» встречается и в русской «городской» мифологии: «Москва-матушка», «Петербург-батюшка»³⁴. То, что Гюмри является «городом-отцом», не раз отмечалось и во время репортажей 7 декабря по поводу годовщин землетрясения. Причем за последние несколько лет, после того как это определение прозвучало из уст гюмрийского мэра, оно стало еще одним нарицательным названием города и из площадного перекочевало в официальный дискурс.

В советские годы первым секретарем ленинаканского горкома компартии (в 1979-1988 гг.), что тогда на деле означало «истинный хозяин города», была женщина – Донара Асканазовна Арутюнян. Как известно,

городского патриотизма. Хотя в одном из анекдотов на вопрос, почему Юрий Врданян стал олимпийским чемпионом, гюмриец отвечает: «А потому что послали его. Послали бы другого гюмрийца, чемпионом стал бы тот» (*Геворкян Г. Указ. раб. С. 169*).

³⁰ Последний спортивный фурор был связан с именем дважды чемпиона Европы (2007, 2008) гюмрийской штангистки Мелине Далузян.

³¹ Ср. гюмрийский анекдот: «Харле Сероба (гюмрийский фольклорный персонаж) спрашивают, был ли тот в Париже. "А как далеко он находится от города?" – спрашивает тот. "Не понял, от какого города?" "Слушай, а разве в мире есть еще другой город [кроме Гюмри]?"» – *Геворкян Г. Указ. раб. С. 169*.

³² Ср. *Григорян А. Указ. раб. С. 40-41*.

³³ Цитата по фильму «Город надежды» (2003 год) Сатеник Кахзванцян, фильм сделан по заказу мэра.

³⁴ *Топоров В.Н. Указ. раб. С. 132*.

подобные посты в советской империи часто были квотированы. Советский идеал о гендерном равенстве³⁵, если и допускал на первый пост женщину, то только во «втором» городе, что с одной стороны «провозглашало» ее право также быть первой и равной мужчине, а с другой, как раз наоборот – быть первой только среди вторых или быть «строго второй», близко стоящей к первому. Недавно оставила пост губернатора Ширакского марза, центром которым является Гюмри, единственный пока в Армении женщина-губернатор (Лида Нанян). Думаем, что ее назначение (пост губернатора невыборной) – не мистическое совпадение («женского» и «второго»), а своеобразная инерция советских правил, которые время от времени проявляются в управлении постсоветской Арменией.

Наличие двойных (официальных и неофициально-народных) названий города выдает как минимум две перспективы его восприятия. Эти два во многом противоположных взгляда проявляются и при рассмотрении урбанистической истории Гюмри, в частности, при определении различных стратегий его застройки. Первый условно назовем **«местным»** (взгляд изнутри) и **«снизу»** (народный, точка зрения рядовых горожан), второй – **«внешним»** (оценка города извне) и **«сверху»** (видение города с перспективы имперской, центральной власти). Объединение «внешней и властной» перспектив обосновано тем, что местная власть в Гюмри в досоветский и советский период была опосредованной и на деле наиболее важные решения по его застройке принимались или хотя бы утверждались «внешней» российской элитой³⁶.

В постсоветский период, вернее сразу после землетрясения, ситуация несколько изменилась. **«Местная»** городская власть («изнутри и сверху»), хоть и с оглядкой на новую «внешнюю» силу – Ереван, приобрела бо'льшую самостоятельность³⁷, то есть возникла еще одна и очень действенная пер-

³⁵ Лучше всего советские представления о положении «первого» и «второго» как «передового мужского» и почти равного, но тем не менее слегка «отстающего женского» передает скульптура В.И. Мухиной «Рабочий и колхозница», где передовой рабочий класс воплощен в образе мужчины, тогда как, с точки зрения коммунистов, менее сознательный класс крестьян – в женском образе.

³⁶ Отметим, что Николаю I посылались ежегодные отчеты относительно текущего состояния строительства крепостей и без получения его одобрения работы не продолжались. Архивные материалы по этим донесениям подробно изучил и с нами любезно поделился этими сведениями Р. Егоян – главный архитектор Ленинакана в 1961-1976 гг.

³⁷ Если в советское время все проекты должны были получить одобрение соответствующих министерств, локализованных в Ереване, то постсоветское управление лишило, например,

спектива («местная», но сверху). После землетрясения 1988 г.³⁸ и радикальных политических изменений (развала советской империи, установления национальной независимости) различные международные организации, как и армянская диаспора, причем часто неинституционализируемая, получили «доступ» к застройке Гюмри по крайней мере в качестве «гуманитарной помощи». Их взгляд и влияние на городской ландшафт условно назовем перспективой «извне и снизу» (международное сообщество). Итак, мы попытаемся проанализировать дискурс «первого» и «второго» городов с указанных четырех перспектив: изнутри снизу (городские жители), изнутри сверху (муниципальная власть), извне снизу (международное сообщество, диаспора) и извне сверху (имперская или центральная власть).

Из предложенных А. Григоряном многочисленных оппозиций, характеризующих «первых» и «вторых», в данной работе мы остановимся на одной дихотомии – устный/письменный, обобщая относительно цельный локальный текст³⁹.

устный – письменный

Главная особенность Гюмри, которая отличает его от других городов Армении и роднит с Карсом (ныне на территории Турции), – это сплав

Министерство строительства реальных рычагов воздействия на строительство и архитектуру в регионах. – Полевой этнографический материал (далее ПЭМ), Гюмри, 2006, беседа с архитектором Ашотом Варданяном.

³⁸ Эпицентр землетрясения был недалеко от города Спитак, поэтому землетрясение получило название Спитакского. Пострадал весь северный район Армении и особенно Ленинакан. В результате этой катастрофы погибло около 25 000 человек.

³⁹ Мы используем «локальный текст» в значении «системы ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с местом и актуальных для общего знания сообщества, идентифицирующего себя с этим местом». – *Михаил Алексеевский, Михаил Лурье, Анна Сенькина*. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический Форум, 2009, №11. С. 227. О локальном тексте см. также *Михаил Алексеевский, Анастасия Жердева, Михаил Лурье, Анна Сенькина*. Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум, 2008, №8. С. 419-442.

российского градостроительного планирования XIX в.⁴⁰ и местных строительных традиций (использование местного красного и черного камней, без покрытия штукатуркой, особый стиль украшения входов, окон, карнизов и др.)⁴¹. В этом эклектичном соединении можно выделить некоторые черты «второго», которые исходят в основном от российских градостроителей (ср. извне и сверху). Это, например, механический перенос параллельно-перпендикулярной планировки (гипподамовой схемы), проведенной с севера на юг и с запада на восток, с полным игнорированием местного горного ландшафта⁴² (рис. 1) и возможностей ступенчатой планировки, присущей многим кавказским поселениям, когда кровля одного дома служила двором для другого (рис. 2, 3). Именно так выглядели «сельские кварталы» Гюмри начала XIX в.⁴³, которые в отличие от новых «российских» улиц были вписаны в его естественный рельеф. Тогда как в результате новой планировки многие гюмрийские улицы превратились в крутые спуски и подъемы (ср. улицы 14, 16). В то же время сочетание российского градостроительного плана и местных архитектурно-строительных навыков создало особый городской колорит. Как метко определил архитектор Р. Егоян, сложившееся поселение нельзя назвать ни русским, ни армянским, это особый «гюмрийский» стиль, который возник в результате эклектичных напластований, доведенных до некоего урбанистического почерка⁴⁴.

Рис. 1. План Гюмри 1837 г. для военной крепости (гарнизон в 15000 человек)

⁴⁰ Первый генплан Гюмри был составлен российскими специалистами в 1837 г. («План города Гюмри вновь предполагаемому»), который предполагал строительство военной крепости для 15000-го гарнизона, церкви, около тысячи домов и кладбище. Второй российский генплан Александрополя был принят в 1905 г. («План существующего расположения Уездного города Александрополя Эриванской губернии с показанием предполагаемого урегулирования и распространения») и предполагал застройку города с 30000-м населением. – См. Гюмри: город и люди. Гюмри, 2009. С. 159-168 (на арм. яз.).

⁴¹ Матевосян С. Г. Указ. раб.

⁴² Этим ценным наблюдением с нами поделился гюмрийский архитектор Рафаэл Егоян.

⁴³ См. например, Гюмри: город и жители. С. 159.

⁴⁴ Из интервью с Р. Егояном. ПЭМ, Гюмри, 2006.

Рис. 2. Квартал «Турки майла» («Турецкий квартал»)

Рис. 3. Квартал «Дзори майла» («Квартал оврага»)

Строительство города по изначальной планировке (по «письму»), а не в результате естественного роста напоминает противопоставление А. Битова Москвы и Петербурга как «устного» и «письменного» городов: «...разница московской и питерской речи в том, что Москва (недаром отсюда все время идут реформы русского языка!) – как слышится, так и пишется, а Петербург – как пишется, так и слышится. То есть Петербург по природе, даже по построенности города, – более письменный город, Москва – более устный»⁴⁵. «Письменность» Петербурга (т.е. сперва идея, стройка и только потом заселение, *оживление*) наглядно отражена в петровском указе 1715 г.: «чтоб никто против указа и без чертежа архитектурского нигде не строился», а дома, построенные «не по архитектуре», должны были быть немедленно сломаны⁴⁶. Как и в случае с Гюмри, в Петербурге архитектура спускается сверху, подчиняя освоение нового пространства вкусам и требованиям элиты.

Совпадение «устных» Москвы и Еревана, как и «письменных» Петербурга и Гюмри хорошо иллюстрируется их генпланами, где проекты «первых» составлены по кольцевому принципу, а «вторых» – линейному, со строгой планировкой равных кварталов (см. рис. 4, 5 и 6, 7).

⁴⁵ Андрей Битов. File на грани фола. Полуписьменное сочинение // Октябрь, 2005, № 10. С. 119; Григорян А. Указ. раб. С. 232-233.

⁴⁶ Паперный В. Культура Два. М., 2007. С. 71-72.

Рис. 4. Схематический план Москвы конца XVIII в.

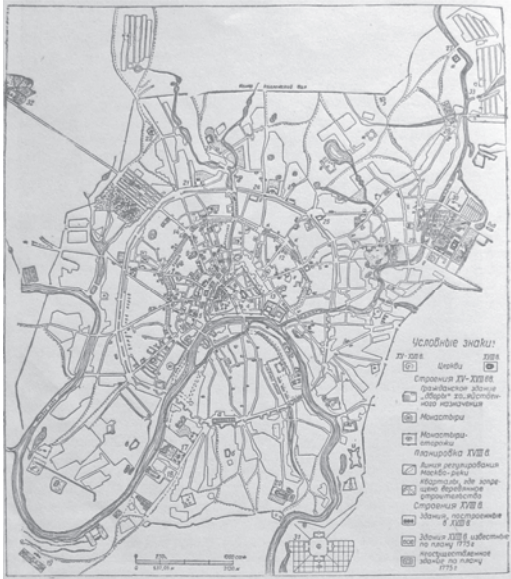

Рис. 5. Генеральный план Еревана А. Таманяна, 1924

Рис. 6. "План Императорского столичного города Санкт-Петербурга, сочиненный в 1737 году"

Рис. 7. План Гюмри 1905 г. для города с населением 30000 человек

И хотя Ереван почти заново застраивался в советское время и в этом смысле мог бы считаться письменным, поскольку кардинально перестраивался по «письменному» проекту (впрочем, прямоугольная сетка, в целом, сохранилась еще с плана XIX в. и была увеличена в масштабе⁴⁷), автор советского «солнечного» генплана, Александр Таманян, продумал свой город

⁴⁷ Карен Балян. Город, смотрящий на Арарат // Проект классика
<http://www.projectclassica.ru/school/18_2006/school2006_18_03a.htm>, (28.10.2012).

так, чтобы его главным аккордом выступал естественный ландшафт, а именно имевшая большое символическое значение для армян гора Арарат (см. рис. 8, 9).

Рис. 8. Гербы советской и независимой Армении с изображением горы Арарат в центре

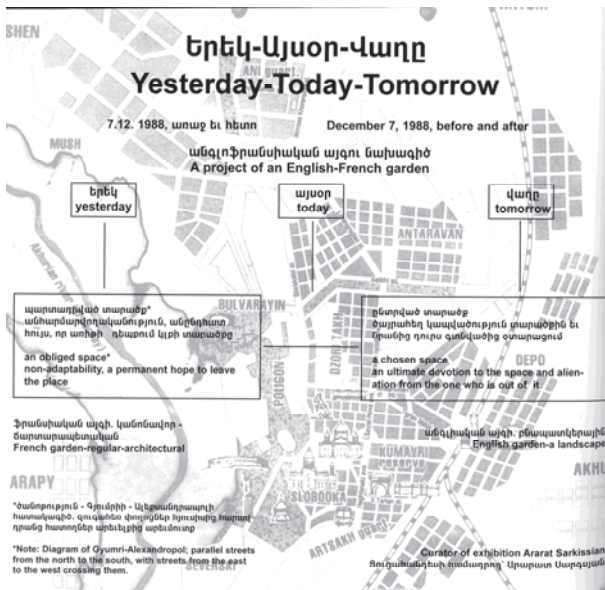

Рис. 9. А. Саргсян, Вчера, сегодня, завтра. 1998

Тем самым он вместо перспективы «сверху» предложил и учел прочтение города «снизу» – с перспективы жителя города. И по задумке архитектора важная для горожан гора должна была обозреваться с любой точки города. Последний должен был смотреть на Арарат, к горе должен был выходить главный проспект, а с центральной площади «по Таманяну, расходились несколько лучей, один из которых, естественно, был направлен на Арарат»⁴⁸. То есть при определении «письменности» и «устности» города важно

⁴⁸ Там же.

не столько то, что он строится по или вопреки «письменному» проекту, сколько то, что процесс застройки учитывает топографию местности, локальные особенности и идейные запросы жителей, а не только элиты.

«Письменность» Гюмри, помимо изначальной («письменной») заданности российских градостроителей, выражалась и в особом отношении к генпланам. Во время гюмрийских международных фестивалей Концептуального искусства, проводимых в Гюмри с 1998 г., генпланы города не раз становились «героями» тех или иных работ (рис. 9). Принятие нового постсоветского плана Гюмри было окутано множеством споров и интриг. Были мнения, что правительство его не утверждает только потому что не хочет, чтобы генплан Гюмри был принят раньше генплана Еревана⁴⁹, будто «первый» и «второй» города соревновались, кто из них окажется «первым» на бумаге. Хотя генплан Еревана был утвержден раньше гюмрийского, на деле гюмрийский был составлен задолго до ереванского, что по оценке некоторых жителей является хорошей иллюстрацией истинного «первенства» Гюмри, тогда как Ереван – «первый» формально⁵⁰.

Первый советский генплан Ленинакана под авторством Д. Числяна появился после разрушительного землетрясения 1926 г., и по этому проекту были построены первые типовые здания города⁵¹, заложившие в «новом городе» основной принцип «коммунистического» градостроительства. В последующие годы Ленинакан постепенно приобрел черты советского мегаполиса с аэропортом, советскими «небоскребами», крупными индустриальными комплексами (до землетрясения в Гюмри было около 40 промышленных предприятий)⁵². Город застраивался по достаточно стандартной урбанистической схеме: в центре были культурные и административные учреждения, вторая зона – жилые комплексы (спальные кварталы), окраина – промышленные предприятия. За небольшим исключением (например текстильный комбинат оказался почти в центральной части, поскольку был построен еще в 1920-х гг., после чего город развился и в направлении этих предприятий, охватив их в центральное кольцо) Ленинакан в целом соответствовал указанному советскому *письменному* канону градостроительства. Его символическая советскость обеспечивалась за счет обязательного

⁴⁹ ПЭМ, Гюмри, 2006.

⁵⁰ ПЭМ, Гюмри, Ереван, 2006.

⁵¹ *Варданян. Г.* Гюмри. Книга первая. Ер., 2006. С. 138.

⁵² Азатян В. Указ. раб. С. 49.

«идеологического пакета», включающего соответствующие площади⁵³, мемориальные комплексы («Вечный огонь», пл. Звезды, Маркса, мемориальный комплекс мать-Армения, парк Победы) и памятники вождям и героизированным большевикам (Ленину, Шаумяну и др.) (рис. 10, 11). Почти в самом центре Лениакана появились неразличимые с перспективы жителя, но на бумаге достаточно ясно идентифицируемые серп (небольшая кольцевая, с бульварной улицей им. Кирова, которая составляла наконечник серпа) и молот (парк Победы, заканчивающийся Доской почета)⁵⁴. Такое «чтение» города с высоты птичьего полета было присуще многим советским урбанистическим проектам. Похожий проект с «верхней» перспективы был и в Ереване, где цепь высотных зданий сверху должна были считываться как «СССР». В коммунистической империи, видимо, было очень важно иметь «письменно» правильный город, идею которого должен был распознать и одобрить не столько тот, кто в нем живет, сколько тот, кто смотрит на его чертеж (сверху); соответственно, периферийные поселения должны были ориентироваться на вкус в первую очередь *высших* московских чиновников. Поэтому наряду с горизонтальной перспективой, в которой учитывалась возможность рядовых жителей считывать коммунистические символы в городском ландшафте, советские планировщики одновременно должны были учитывать и идеологическую составляющую «проектного рисунка» для руководства, для перспективы сверху. Такая двойственная задача, поставленная перед советскими урбанистами, соответствует в целом общим советским требованиям, отражая параллельное сосуществование декларируемых формальных и реально функционирующих неформальных правил во многих сферах, в том числе в управлении и принятии решений.

⁵³ Проектируемые с тем расчетом, чтобы там можно было проводить обязательные для советской ритуальной повседневности парады.

⁵⁴ О такой интерпретации планировки этой части города нам рассказал гюмрийский архитектор Р. Егоян. Советскими разработчиками Лениакана была группа архитекторов: М. Мазмания, Г. Кочар, П. Манукян, С. Карапетян, Г. Мурза. По доносу, ведущих архитекторов М. Мазмания (автор генплана Гюмри 1930 г.) и Г. Кочара, обвиняя в задержке соц. строительства, сослали в Сибирь. Но в руках новых архитекторов, по мнению архитектора Р. Егояна, планирование города не претерпело сильных изменений, самыми значительными нововведениями были – лучеобразные автомобильные магистрали, связывающие центр с периферийными кварталами и районами Армении, образовав семь различных въездов в город.

Рис. 10. Советский Ленинакан, перед землетрясением 1988 г.

Рис. 11. Памятник В.И. Ленину на площади им. Ленина в Ленинакане

Таким образом, планировка советского времени может считаться одновременно как «письменной», так и «устной», и признаки «первого» («устного») города могут проявляться особенно в тех случаях, когда авторами проектов были местные архитекторы, обычно больше учитывающие локальные особенности физического и символического ландшафта. Эту идею можно проиллюстрировать на примере локальных проектов развития советского Ленинакана («спутниковое» расширение), учитывающих ландшафтные и тектонические ограничения местности. Несмотря на то, что «всем управляла Москва» и без ее одобрения нельзя было воплотить ни один крупный проект, тем не менее новый план «спутникового» развития города можно считать не навязанным сверху (как планировку времен Николая I), а местной разработкой (инициативой снизу). Предложение расширить город за счет маленьких городов-спутников, с которыми старый город соединялся бы автомобильными магистралями и тем самым превратился бы в центральный перекресток⁵⁵, было обусловлено двумя причинами: во-первых, неблагоприятной сейсмической картой Ленинакана⁵⁶ и, во-вторых, окружающими город орошаемыми плодо-

⁵⁵ Что само по себе является признаком «первых» – см. Григорян А. Указ. раб. С. 348-357.

⁵⁶ Из интервью с архитектором Сашуром Калашяном (ПЭМ, Ереван, 2006) – главным архитектором Ленинакана в 1976-1989 гг.

родными сельскохозяйственными землями, использование которых под строительство в советские годы рассматривалось бы как преступление («разбазаривание социалистической собственности») ⁵⁷. Согласно одной из версий такого проекта, «сателлиты» Ленинакана должны были появиться в направлении поселка Ахурян и села Бениамин (архитекторы А. Мириджанян, С. Калашян) ⁵⁸, то есть в юго-восточном и южном направлениях. По мнению других (архитектор Р. Егоян) развитие города должно было вестись в направлении села Арапи (юго-западное направление). Авторы последней разработки предполагали расселить здесь около 100-120 тысяч человек ⁵⁹. До землетрясения из этих проектов успели частично осуществить лишь застройку поселка Ахурян.

Рис. 12. Ленинакан после землетрясения 1988 г.

Рис. 13. Площадь Ленина с гробами после землетрясения 1988 г.

Ситуация резко изменилась в связи с разрушительным землетрясением 1988 г. (рис. 12, 13), которое не только расстроило планы «естественного» («спутникового») развития города, но и поставило перед необходимостью быстрого поиска решений дальнейшей судьбы города в целом. Задача как можно быстрее определиться с направлением городского развития была продиктована не столько заботами о скором обустройстве оставшихся без крова людей, сколько непродуманным заявлением первого лица советской империи,

⁵⁷ Из интервью с архитектором Р. Егояном – ПЭМ, Гюмри, 2006.

⁵⁸ Из интервью с С. Калашяном – ПЭМ, Ереван, 2006.

⁵⁹ Из интервью с Р. Егояном – ПЭМ, Гюмри, 2006.

М.С. Горбачева, о восстановлении Лениначана за два года⁶⁰. Подобные обещания «скорого восстановления» после катастроф многие первые руководители дают из самых благих побуждений и искреннего желания как можно быстрее помочь пострадавшим. Но если, например, в странах первого мира⁶¹ такие заявления часто забываются и после начального шока наступает более трезвая оценка ситуации, то в империях (в том числе и советской), где «первые» не могли ошибаться, их любая непродуманная идея, как правило, находила пути для воплощения. Достаточно вспомнить драматическую стройку железнодорожной ветки Москва – Петербург, необоснованно затрудненной только потому, что Николай I, символически прочертивший на проекте линию соединения двух городов, случайно обвел контур своего пальца⁶².

При всем соблазне связать двухгодичный срок, обещанный М.С. Горбачевым, со «вторым городом», вряд ли имеет какое-то, пусть даже ассоциативное, отношение к иерархическому положению Лениначана. Это скорее всего условное обозначение «быстрого восстановления»: один год – слишком быстро и нереально, три года – слишком символично, а два года – это «максимально быстро и как бы реалистично»⁶³. Очевидно, что никаких предварительных расчетов для такого срока не было, а его определение было ситуативным решением. Обещание Горбачева, как и ожидалось, было воспринято настолько серьезно, что определило весь дальнейший график

⁶⁰ Этот эпизод и некоторые другие характеристики образа «перестроечного» М.С. Горбачева дали повод антропологу Л.А. Абрамяну рассматривать его как правителя, соединившего в себе мифологические образы Отца и Сына, Царя и Шута. См. *Левон Абрамян. Перестройка как карнавал // Век XX и мир. 1990. № 6. С. 47-48; Levon Abrahamian, 2006, pp. 198-201.*

⁶¹ Подобные заявления делал Буш младший после урагана «Катрина» в Новом Орлеане (2005), но вскоре о его обещаниях благополучно забыли и проблемами пострадавших занялись соответствующие институты в меру своих возможностей, особенно тяжело пришлось соседнему Техасу, принявшему значительную часть пострадавших. – Интервью с американским антропологом С. Григорян, после землетрясения некоторое время работавшей в Гюмри – ПЭМ, Ереван, 2006.

⁶² Ср. с несколько мифологизированной историей подписи Сталина посередине двух вариантов проекта гостиницы «Москва», что поставило строителей в безвыходную ситуацию, приведшую к тому, что оба варианта причудливым образом нашли воплощение в асимметричном фасаде здания. – См. *Паперный В. Указ. раб. С. 135.* Впрочем, сейчас появилась иная точка зрения, объясняющая несимметричность фасада этого здания. – См. *Хорошевский А. 100 знаменитых символов советской эпохи.* <http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/1004822/Horoshevskiy_Andrey_-_100_znamenityh_simvolov_sovetskoy_epohi.htm> (29.10.2012).

⁶³ Это толкование предложил нам антрополог Левон Абрамян во время частной беседы.

восстановительных работ и способствовало появлению двухгодичного «ритма» в событийной жизни города. Если в советское время было принято все планы определять по пятилеткам, то после обещания Горбачева в Гюмри многие важные события (фестивали, конференции) стали проводиться раз в два года (ср. Международный фестиваль – *Биеннале* концептуального искусства в Гюмри; Республиканская конференция «Культурно-исторические исследования Ширака»).

В декабре 1988 г., узнав о землетрясении, Горбачев прервал свой визит в США и в срочном порядке прилетел в разрушенный Гюмри при сопровождении председателя совета министров СССР Н.И. Рыжкова⁶⁴ и его заместителя Ю. П. Баталина, возглавлявшего Госстрой⁶⁵. Именно этим чиновникам пришлось искать пути претворения решения Горбачева и на них легла ответственность выбора дальнейшего плана развития города. Поскольку строительство Гюмри всегда возглавлял «Армгоспроект» – институт, определяющий строительство в районах Армении, то Ю.П. Баталин в первую очередь предложил этому институту за очень короткий срок разработать нечто вроде генплана, позволяющего организацию быстрой стройки. По воспоминаниям архитектора Р. Егояна, в эти дни в ереванском доме архитекторов собирались почти все доступные на тот момент специалисты (в том числе и некоторые гюмрийские)⁶⁶, споры длились почти до утра. Административная и партийная власти в этих дебатах не участвовали, они были задействованы в решении других, не требующих отлагательства, вопросах. Итак, проблема решалась исключительно специалистами: предложение поступало от местных, решение принималось московскими.

Проект городов-сателлитов был отклонен по нескольким причинам. Во-первых, потому что для различных (и большей частью приехавших из РСФСР) строителей было привычнее и легче строить на ровном ландшафте⁶⁷, а предлагаемые территории, хотя и имели лучшую сейсмостойкость, но рельеф

⁶⁴ Н.И. Рыжков, председатель Совета Министров СССР (1985-1990), стал почетным гражданином Гюмри, с 2002 г. его именем названа улица (бывшая им. Кирова).

⁶⁵ Ю.П. Баталин – председатель Государственного строительного комитета СССР (1986 – 1989).

⁶⁶ Здание, где был расположен гюмрийский институт проектирования, находившийся в подчинении Армгоспроекта, также рухнул. Спасшиеся, но так или иначе пострадавшие специалисты большей частью не могли принимать участия в этих обсуждениях.

⁶⁷ ПЭМ, Ереван, 2006.

был гористый, грунт каменистый. Соответственно, закладка фундамента требовала больше временны'х затрат. Во-вторых, в Лениакан были переброшены огромные строительные ресурсы (около 10 000 строителей со всего СССР)⁶⁸, которые требовали большой и по возможности беспроблемной строительной площадки. И, наконец, третья немаловажная причина – попытка некоторых ереванских специалистов перехватить «лакомый кусок» работы и заработка. Именно из «Ереванпроекта» (который до того снабжал проектами лишь столичные, а не районные стройки) поступило неожиданное предложение отдать под строительную площадку редкие в Армении плодородные и орошаемые сельскохозяйственные земли, находящиеся к северу от Лениакана. Аргумент гюмрийских архитекторов, что эти земли кормят весь регион Ширака и снабжают республику сахарной свеклой, Ю.П. Баталин отмел краткой репликой: «Россия – большая» (СССР не стало через три года)⁶⁹. Главный архитектор Лениакана, С. Калашян, пытаясь остановить истребление сельскохозяйственных земель новыми аргументами, добился того, что его выслушал Н.И. Рыжков. Он указывал на мягкий грунт и глиняный слой этих земель, которые не подходят для сейсмостойких зданий (во время землетрясения глина плавится и фундаменты зданий начинают «плавать»), и соответственно требуется более глубокий фундамент (даже трехэтажные здания здесь нуждались в подвальных этажах). А это означало лишние затраты не только средств, но, что было особенно важно для московского руководства, – времени. Н.И. Рыжков приостановил работы, предложив перебросить силы пока в Кировакан (третий город республики, также пострадавший от землетрясения), а сам попытался согласовать дальнейшие действия с Москвой. Однако через сутки сверху поступила директива продолжить строительство по уже утвержденному направлению, а главный архитектор Лениакана, считая такое решение преступлением, подал заявление об отставке⁷⁰. Итак, как и во времена Николая I, локальный ландшафт был полностью проигнорирован, так же как перспективы самостоятельного развития Армении. И «второй» город снова был подчинен «градостроительным» представлениям и предпочтениям имперской власти.

⁶⁸ Из интервью с Р. Егояном – ПЭМ, Гюмри, 2006.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Из интервью с С. Калашяном – ПЭМ, Ереван, 2006.

Выбор «Ереванпроекта» вместо «Армгоспроекта», по мнению некоторых гюмрийских специалистов, помимо прочего, был обусловлен и связями ереванских архитекторов с московскими (некоторые специалисты «Ереванпроекта» защищали свои диссертации в России, и у них сложились личные дружеские отношения с московскими коллегами). А в случае принятия уже готового и еще до землетрясения утвержденного нового генплана Лениакана («спутниковое» развитие города в южном направлении) российские проектировщики, впрочем как и ереванские, не получили бы своей доли работы⁷¹.

«Ереванпроект» предложил для стройки около 800 га плодородных земель, Москва умерила аппетиты проектировщиков до 200 га⁷². И 7 января 1989 г., буквально через месяц после землетрясения, когда в старой части города еще доставали из-под развалин трупы и пытались расчистить улицы от разрушенных зданий, строительная команда из Чувашии в составе Минсевзапстроя СССР заложила основы первого дома нового ленинканского микрорайона. Несмотря на действительно небывалые в Армении масштабы строительства этот микрорайон до сих пор не достроен. Развал СССР, блокада Армении со стороны Азербайджана, а затем и Турции, война в Карабахе, энергетический и экономический кризисы привели к прекращению строительных работ, и приехавшие на помощь Армении различные строительные организации из «братских республик» уехали, оставив после себя не только бетонные (с точки зрения местного населения непригодные для жилья) и большей частью неприглядные здания, но и вырытые котлованы и недостроенные каркасы так и не воплотившихся в реальность зданий. Земли для использования в сельском хозяйстве были окончательно испорчены, а арматура недостроенных зданий в годы экономического кризиса была изъята и экспортирована.

«Письменный» (сделанный по директиве сверху) квартал-аппендикс стал «макетом» разваливающегося Советского Союза, где рядом встали российские, узбекские, украинские, белорусские и другие дома, выстроенные (или недостроенные) в соответствующих архитектурно-строительных традициях этих республик.

⁷¹ ПЭМ 2006, 2007, Ереван, Гюмри.

⁷² ПЭМ 2006, Гюмри.

Новый квартал, получивший в народе название 58-й, так как до его появления в Ленинакане уже было 57 микрорайонов, а официально названный «Ани», оказался оторванным от города, поскольку прилегающие к нему части не успели застроить и этот интервал (например, 8-й городок, Муш-2) между старым и новым частями города вскоре образовал огромное пространство строительного кладбища (которое заново начали застраивать только с 2009 г., рис. 14). Не случайно происхождение названия квартала «58-й» сейчас обычно интерпретируют как «58 га», якобы отданные под новые застройки (на деле гораздо больше). При таком толковании этот квартал воспринимается как автономный район, новый (второй) город по отношению к старому. Таким образом, задуманный сверху и извне (центральные власти, Москва) проект создал субгород во втором городе республики, по отношению к которому старая часть города хронологически становилась первой.

Параллельно с советским обсуждались и осуществлялись международные и локальные варианты строительных проектов. Небывалый объем международной гуманитарной помощи (со стороны 113 стран), активная поддержка армянской диаспоры привели к тому, что часто обсуждалась возможность создания в Ленинакане особой свободной коммерческой зоны, некоего Мегаполиса, который вместо советского макета развернулся бы в некую модель мирового сообщества и символа солидарности (признаки «первых» городов). Однако эти предложения так и не дошли до серьезных разработок, а вместо них международное сообщество в качестве гуманитарной помощи стало застраивать Ленинакан временными строениями. Так, в Ленинакане-Гюмри появились австрийский, норвежский, итальянский кварталы, английская, французская, венгерская школы, итальянская и немецкая больницы, гостиницы и т.п. Такое архитектурное разнообразие Гюмри стало придавать ему черты, свойственные «первым» (центральным) городам. Гюмри, на деле являющийся пограничным, таможенным городом (окраиной, т.е. «вторым» по отношению к центру), оказался в центре людского внимания и международной благотворительности, обусловленных инициативой не только властей иностранных держав (извне и сверху), но и неправительственных организаций и отдельных людей (извне и снизу). Тогда же появилась местная шутка, что гюмрийцы всегда знали, что живут в центре мира, но не думали, что это эпицентр.

Застройки западных специалистов носили щадящий и уважительный к местной архитектуре характер. Будучи максимально комфортными для эксплуатации и неамбициозными в плане архитектуры, они легко и быстро

демонтируются, чтобы в случае необходимости уступить место капитальным и более продуманным застройкам⁷³. То есть советскому капитальному проекту «второй», а на деле и «вторичной», части Лениакана (58-й квартал), сделанной в определенной степени для отчетности перед властями, противопоставляются временные, но удобные для эксплуатации⁷⁴ и в основном построенные в старой (первой) части города застройки европейских специалистов⁷⁵. Для установки временного жилья, домиков жители города выбирают также участки в старой части города, обычно около или на месте своих разрушенных или аварийных домов и учреждений, где они работали (рис. 15).

Для нового лица старого города не менее важными стали застройки, профинансированные армянской диаспорой. Среди них необходимо выделить роль Фонда Линса, финансируемого американским миллиардером армянского происхождения Керком Кркоряном. В основном это были жилые типовые здания, отличавшиеся благоустроенностью. Более того, благодаря этому фонду гюмрийские проектировщики и строители ознакомились с международными строительными стандартами, за соблюдением которых следили американские или переобученные ими местные специалисты. Таким образом, посредством диаспоры город не только стал застраиваться домами «для людей», но и строители Гюмри прошли новую школу профессиональных знаний и новых навыков. Итак, взгляд «извне и снизу» можно разделить на две стратегии строительства Гюмри, определяемые соответственно международным (не армянским) сообществом и армянской диаспорой. Оба исходят из интересов в первую очередь рядовых жителей, а не властей или планировки города – вопрос оригинальных архитектурных решений не ставился. Но если международное сообщество предлагало в основном временные решения, то диаспора – относительно долгосрочные. При этом и те, и другие застройку в большей мере вели в старой части города⁷⁶, занимая постепенно расчищенные и подготовленные под застройку относительно небольшие участки.

⁷³ Такую оценку этим стройкам дал гюмрийский архитектор А. Варданян – ПЭМ, Гюмри, 2006.

⁷⁴ Ср. специализированный для инвалидов австрийский городок.

⁷⁵ Здесь я имею в виду «не домики для жилья», которые спонтанно покрыли почти весь город, а скорее общественные здания: школы, больницы и т.п.

⁷⁶ Кстати, немногочисленные диаспоральные проекты в 58-м квартале также отличались тем, что это были попытки «спасти» этот квартал, создавая оазисы уюта посредством обустройства парков, строительства храма.

Рис. 14. Стройка квартала Муш-2, 2009 г.

Рис. 15. Гюмри сегодня

В отличие от советского «письменного» проектирования, когда решение принимается сверху и не лишено идеологических мотиваций, проекты «извне и снизу» ориентированы не на отчетность (ср. «письменность»), а фактически на непосредственные нужды жителей, переживших стихийное бедствие.

Итак, оценки и стратегии развития и застройки Гюмри можно разделить на четыре перспективы: местная власть, рядовые жители, «имперская» (внешняя) власть и международное сообщество. Если распределить эти перспективы по оси «первый»-«второй», то местная и «имперская» власти (взгляд сверху) будут, скорее, подчеркивать иерархическую систему городов и соответственно видеть в Гюмри признаки «второго» (ср. строительство по генплану, игнорирующему ландшафт и геологию, «женское» название города, феминистическая составляющая в управлении). А рядовые жители и международное сообщество, строя отношения, в целом, в горизонтальной перспективе, вне всякой иерархии, видят Гюмри как «некий центр», которому присущи признаки, скорее, «первого» (генплан с учетом геологии и ресурсов для автономного развития, проект «Мегаполис», мужские неформальные наименования города).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. План Гюмри 1837 г. для военной крепости (гарнизон в 15000 человек) // Гюмри.

Город и люди. Гюмри, 2009. С. 161.

Рис. 2. Квартал «Турки майла» // Гюмри. Город и люди. Гюмри, 2009. С. 160.

- Рис. 3.** Квартал «Дзори майла» // Гюмри. Город и люди. Гюмри, 2009. С. 159.
- Рис. 4.** Схематический план Москвы конца XVIII в. Составлен на основании проектного плана Москвы 1775 г., плана «столичного города Москвы 1789 г.» и других материалов // Старая Москва. История архитектуры и градостроительства. Кулуар <<http://www.kuluar.ru/Moscow/MosAr/>> (30.10. 2012).
- Рис. 5.** Генеральный план Еревана А. Таманяна, 1924 // сайт: History of Armenia <<http://www.armenica.org/history/en/overview/tamanyan.html>> (30. 10. 2012)
- Рис. 6.** "План Императорского столичного города Санкт-Петербурга, сочиненный в 1737 году". Первый печатный генеральный план города, построенный на основе точных топографических съемок, выполненных Петербургской Академией Наук, созданный в 1737 г. // < http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/db/Map_spb_1737_high.jpg> (30.10. 2012).
- Рис. 7.** План Гюмри 1905 г. для города с населением 30000 человек // Гюмри. Город и люди. Гюмри, 2009. С. 161.
- Рис. 8.** Гербы советской и независимой Армении с изображением горы Арарат в центре // <<http://www.yaplakal.com/forum2/topic304957.html>> (30. 10. 2012).
- Рис. 9.** Арарат Саргсян (куратор экспозиции), Вчера, сегодня, завтра // First International Biennial 1998. Gyumri. (Гюмри, 1998), pp. 61-62.
- Рис. 10.** Советский Ленинакан, перед землетрясением 1988 г. // Гюмри-Ленинакан-Александрополь-Кумайри (на арм. яз.) <<http://www.copypaste.am/2011/07/05/>> (30.10.2012).
- Рис. 11.** Памятник В.И. Ленину (скульптор С. Меркуров, 1954) на площади им. Ленина в Ленинакане // *Азатян В.* Ленинакан. Ер., 1989. С. 10.
- Рис. 12.** Ленинакан после землетрясения 1988 г. // *Азатян В.* Ленинакан. Ер., 1989. С. 170.
- Рис. 13.** Площадь Ленина после землетрясения 1988 г. // *Александр Ломакин, Григорий Тельнов,* Бродяги ищут малышку из зоны бедствия < <http://lifeneews.ru/spec/43#comments>> (30. 10. 2012).
- Рис. 14.** Застройка квартала Муш-2, 2009 г. (фотография сделана Г. Шагоян).
- Рис. 15.** Гюмри сегодня, панорама города на фоне горы Арагац // *Йолян Ирина.* Люблю гулять по улицам Гюмри // Дитакет <<http://ditaket.am/archives/3582>> (30. 10. 2012).

